

Митрополит Костромской и Нерехтский Ферапонт

Церковно-государственные отношения: история и современность

Доклад в Костромской областной думе на секции регионального этапа
Рождественских чтений 2021-2022 гг.

Нынешние Рождественские Чтения посвящены 350-летию со дня рождения Петра Великого. Его деятельность затронула практически все стороны русской жизни – от государственного администрирования до быта. Что наиболее актуально для нас на настоящих Чтениях, Петр Первый серьезно изменил церковно-государственные отношения, практически впервые в русской истории поставив Церковь перед лицом секулярного общества. Своеобразие этой ситуации можно понять, рассмотрев взаимоотношения Церкви и государства до Петра в исторической перспективе.

Новозаветная проповедь рассматривает ситуацию отношения к власти в обществе с двух разных позиций. С одной стороны, Церковь Христова, как воплощенное Царство Божие, по слову Спасителя «не от мира сего» (Ин. 18, 36). Ее вечные основания, как и ее окончательные цель – спасение всего мира, лежат вне любой человеческой властной практики. Однако, рассматривая временную, повседневную деятельность человека, Церковь относится к государству и его институтам не только с принятием и признанием их необходимости в ветхом греховном мире («Воздайте кесарю кесарево» (Мф. 22, 21), «кому страх – страх, кому честь - честь» (Рим. 13, 7)), но и с уважением («Бога бойтесь, царя чтите» (1 Петр. 2, 17)) и похвалой («Начальник есть Божий слуга тебе на добро» (Рим. 13, 4)). То есть государственная власть сама по себе вне искажений и злоупотреблений, также известных по Священному Писанию (цари и тираны в Ветхом Завете, Ирод и его династия – в Новом), рассматривается как важный инструмент

устройства человеческого общества.

Как известно, первоначальная христианская община с ее новым, всемирным, учением довольно быстро вошла в конфликт сначала с иудейской верхушкой, а затем с римской властью. Надо сказать, что конфликт этот был во многом односторонним, так как и Сам Христос, и Его первые последователи, несмотря на жесткую критику сложившихся в Палестине и Римской империи вообще религиозных и властных практик, никогда не ставили под сомнение легитимность ни ветхозаветной Церкви, ни Римского государства. За первые три века отношения государства и Христианской Церкви, несмотря на кажущуюся однородность конфликта, были достаточно многообразны. Христиане с первых веков распространились во всех слоях общества от низших до самых высших, о чем свидетельствует как Новый Завет, так и историческое предание Церкви. За столетия гонений Церковь постоянно пребывала в сложных условиях, переходя от неофициального к полуофициальному существованию, претерпевая многочисленные притеснения, как репрессивного, так и довольно часто просто административного характера. При этом некоторые римские императоры в эпоху кризиса не только были вынуждены сотрудничать с христианами, но и опираться на них. Есть прецеденты принятия римскими императорами христианства до Константина Великого, хотя и в довольно непривычных формах. Это подготовило признание христианства миланским эдиктом Константина и Лициния в 313 году, по которому Церковь получила все права официальной религии, а также, по инициативе Константина, многочисленные привилегии. С этого государя, принявшего деятельнейшее участие в судьбе Церкви, начинается последовательное воцерковление государственной власти в Римской империи. При Феодосии Великом, последнем императоре единой Империи, христианство приобретает исключительные права и становится фактически государственной религией, несмотря на некоторые эксцессы язычества на римском Западе. В VI веке в Кодексе Юстиниана полностью

оформляется идея «симфонии» царства и священства, как двух Богодарованных инструментов Церкви в мире. Таким образом, мысль царя Константина об императоре как слуге Церкви для внешних дел и общественного устройства приобретает сакральный характер. Это учение окончательно и рельефно оформилось в поздней Византии, где провозглашалась Богоустановленность императорской власти как источника любой легитимной власти вообще. После падения Константинополя и принятия царского титула московскими князьями эта идея была принята в России и окончательно утверждена Большим Московским собором 1666-1667 гг.

Конечно, как в Римской империи, так и в России идеальная схема созвучия церковной иерархии и царской власти часто давала перекося то в одну, то в другую сторону, что приводило как к церковно-государственным конфликтам, так и к узурпации части функций Церкви и государства. Однако до правления Петра Первого этот идеал практически не ставился под вопрос, и история XVII века в России как раз дает пример серьезных попыток достижения этого идеала на российской почве. В правление Алексея Михайловича, отца Петра Великого, идеи Москвы как Третьего Рима и симфонии были близки к реализации, по крайней мере, в идеологическом плане, как никогда.

Ранняя смерть Алексея Михайловича, драматичные последствия патриаршества Никона и Раскола, а также сложная внутривластная ситуация до полноправного воцарения Петра, сильно ослабили эту тенденцию. Поставленный перед необходимостью до конца реализовать начатые отцом реформы, Петр Первый избрал другие образцы для политического строительства. Действительно, на конец XVII века немецкие и голландские протестантские модели государственного устройства были наиболее подготовлены для переноса на чуждую для них российскую почву, благодаря своей относительной новизне и слабой опоре на национальную

традицию. Именно рожденный Реформацией принцип «чье правление, того и религия» естественным образом делал из церковных институтов государственные учреждения, находящиеся под прямым контролем правительства. Это повлекло не только жесткий государственный контроль за церковной повседневностью, но и разительно снизило свободу духовного сословия по отношению к дворянству. В послепетровской империи наблюдается интересное, нехарактерное ни для прежнего Московского царства, ни для зарубежной Европы явление, а именно размежевание между первым и вторым сословиями. Начиная с Петра и до последних десятилетий Российской Империи, мы практически не видим перехода из дворянства в духовное сословие, а обратное было просто невозможно (для сравнения можно посмотреть ситуацию в пред и пост-революционной Франции, где это было в порядке вещей, и в допетровской России, где принятие монашества и священного сана было обычным для князей и дворян). Такое разграничение духовного и дворянского сословий позволило включить в российскую правящую элиту многочисленных представителей высшего общества с новых западных территорий империи, в большинстве своем неправославных. Это во многом привело к отрыву элиты от Православной Церкви и фактически подчиненному состоянию духовенства по отношению к дворянству в стране. Подобные явления негативно сказывались на миссии Церкви в России.

Революции 1917 года покончили с сословным обществом в России и вывели Церковь из государственного аппарата страны. Оптимистичным проектам Всероссийского Поместного собора 1917-1918 гг., предполагавшим особенное привилегированное положение Православной Церкви в новой республике, на фоне жесткого идеологического противостояния не суждено было сбыться.

За советские годы Церковь вновь прошла путь жесткого контроля со стороны государства, получив после распада Советского Союза невиданную ранее независимость. С одной стороны, это открыло для Церкви широкие

возможности для проповеди и воцерковления народа. С другой стороны, отделенная от государства Церковь формально была лишена государственной поддержки и поставлена в один ряд со всеми остальными религиозными и общественными организациями. Заимствование западных образцов требовало бы лишения Церкви широких возможностей по влиянию на общество, а государства – церковной поддержки. Однако такой подход, как и в прошлые времена, грозит лишить общество его многовековых смыслообразующих основ, повести к его разделению и созданию новых внутренних конфликтов, что мы сейчас и наблюдаем.

Тем не менее, наша эпоха представляет нам возможность широкого церковно-государственного сотрудничества. У государства и Церкви совпадают интересы и задачи по развитию духовно-нравственной жизни народа, по сохранению его священного внутреннего содержания, как сейчас говорят, идентичности. Церковь готова всемерно способствовать укреплению института семьи, образованию и воспитанию нации, укреплению авторитета российского государства. К счастью, эти задачи во многом созвучны руководству нашей страны, понимающему роль традиционных ценностей как основы существования общества, и именно здесь, в духовном и культурном сбережении русского народа и других народов нашей Родины, видится мощная платформа сотрудничества Церкви и государства.